

Я кивнул и приготовился принимать пациентов. Услышав, что состояние тяжёлое, медперсонал собрался у входа для скорой. Две машины почти одновременно подъехали к больнице. Чхве Чжунхан покосился на меня.

— Я сказал, что возьму ответственность на себя, если вы будете против.

— Я ничего не говорил.

Можно подумать, я какой-то злодей. Этот парень, видно, насмотрелся медицинских драм где-то.

Травматология была забита до отказа, но «забита» и «на пределе» — разные вещи. Я осторожно принимал пациентов, оставляя резерв на самый худший случай.

Чхве Чжунхан перевёл взгляд на приближающиеся машины скорой. Они остановились одна за другой, и задние дверцы начали открываться. Как всегда, двери скорой были как ящик Пандоры.

Сколько бы ты ни слушал по телефону — увидеть пациента своими глазами совсем другое, чем просто слушать.

— Я возьму правого, ты — левого. Справишься?

Чхве Чжунхан уверенно кивнул. Фельдшеры вышли с пациентами. Без лишних объяснений мы

переместили их в подготовленные процедурные. Пациент на стороне Чхве Чжунхана был в гораздо более тяжёлом состоянии.

Медсестра проверила жизненные показатели, другая поставила капельницу. Я встретился взглядом с дежурным хирургом травматологии, проходившим мимо. Кивком подозвал его. К нам присоединились хирург-ординатор и студент-медик, который его сопровождал.

Для пациента, попавшего в столкновение, тело выглядело относительно целым. Я проверил дыхание и нахмурился. Ординатор рядом тоже выглядел недовольным.

— Интубировать умеешь?

— Да.

— Если что — позови.

Пациент, которым занимался Чхве Чжунхан, впал в остановку сердца. Даже на взгляд там всё было гораздо хаотичнее. Я снял хирургические перчатки и перешёл в соседнюю палату.

В процедурной царил хаос. Все врачи травматологии были там.

Даже проходящие мимо доктора заглядывали внутрь, чувствуя, что должны хоть чем-то помочь. Они были готовы вмешаться в любую минуту.

Студент-медик протиснулся сквозь плотную толпу медперсонала. Он был из той группы, что следовала за хирургом-ординатором из соседней палаты. Инстинктивно он понял, что что-то не так.

— Я сделаю.

Врач, ждавший как резерв, поднял руку и быстро подошёл ко мне сзади. Я поменялся с ним местами и перешёл в соседнюю палату. Прошло, казалось, меньше десяти минут.

— В дыхательных путях было кровотечение.

— Знаю.

Объяснения не требовались. Хирург-ординатор только что провёл экстренную трахеотомию. Из-за крови было трудно визуально проверить, правильно ли вставлена трубка.

— Уверены, что она на месте?

— Наверное.

Я подсоединил мешок Амбу к концу трахеотомической трубки. Когда интерн сжал мешок,

раздался булькающий звук — воздух возвращался обратно.

Хирург-ординатор растерялся. Я развернулся, быстро натянул перчатки и халат.

— Сколько прошло с момента закупорки дыхательных путей?

— Около двух минут.

Я слегка прикусил губу под маской. Голос сам собой начал повышаться:

— Сделайте свет ярче! И отсос тоже!

Очистив рану пациента, я провёл аспирацию. Сердцебиение пациента замедлилось.

— Дайте эпинефрин.

— Эпинефрин ввожу.

Хирург-ординатор начал делать непрямой массаж сердца. К счастью, сердце пациента вскоре восстановило ритм.

Хирург-ординатор прекратил массаж, частота сердечных сокращений увеличилась. Казалось, придётся начинать всё заново. Врачи, наблюдавшие с другой стороны, теперь переключили внимание на нас.

Поняв, что проблема в интубации, в палату вошёл Юн Тхэсик.

— Думаешь, получится?

— Похоже, сложно.

Интубация трахеи — это прерогатива анестезиологов. Я уже подумывал передать это Юн Тхэсику, как он схватил меня за руку:

— Подожди, разве нет трубки поменьше?

— Детская подойдёт?

— Если есть — давайте.

Медсестра протянула детскую эндотрахеальную трубку, которая перекочевала из рук Юн Тхэсика в мои. Следуя точным указаниям Юн Тхэсика, я успешно вставил трубку в голосовую

щель.

— Готово!

По трубке подали кислород. Упавшая сатурация снова пошла вверх. Когда кислород в крови достиг девяноста семи процентов, все в палате облегчённо выдохнули.

Сняв перчатки, я посмотрел на хирурга-ординатора. Он низко опустил голову. Я перевёл взгляд с пациента на ординатора.

— Всё будет хорошо.

— Правда?

Спросил он с тревогой, и я кивнул в ответ. Выйдя в коридор, я столкнулся с Чхве Чжунханом. Профессор Ким, спустившийся после осмотра срочного пациента в реанимации, тоже подошёл.

— Кто идёт?

— Я пойду. Это мой пациент.

Чхве Чжунхан слегка поднял руку и шагнул вперёд. Я не стал его останавливать. Чхве Чжунхан и профессор Ким вошли в операционную. Я не успел перевести дух, как ко мне подошла медсестра.

— Профессор, пациент на двадцать первой койке...

— Иду.

Я сразу направился к пациенту. Кроме пострадавших в ДТП, было не так уж много народу, но день выдался на редкость суматошным.

Шторм утих. Вернее, шторм налетел, но потом сбавил обороты. Был будний день, но время было ни оживлённым, ни спокойным.

Приёмный покой был в хаосе, так что они даже отправили несколько человек из травматологии на подмогу. Обычно бывает наоборот — просят поддержки у нас, но такие дни случались редко. Чтобы перевести дух, я потягивал ледяной американо из кафе. Он должен был быть ледяным, но льда в нём уже не было. Вернее, он был, но растаял. Как только я допил американо, появился профессор Ким.

— А, профессор.

Я слышал, что операция закончилась быстро, но не ожидал, что он спустится так скоро. За профессором стоял врач, которого я не видел уже некоторое время. Это была Юн Сеён — травматолог, ушедшая в свадебное путешествие вскоре после того, как Чхве Чжунхан присоединился к нам.

— Вы разве не должны завтра выйти?

— Вы же видели меня раньше. Мужу нужно было на работу, вот я и пришла. К тому же дома делать нечего.

— Всё равно стоило бы отдохнуть подольше.

— Я слышала, вы тут без меня натерпелись. Как я могу одна отдыхать после такого?

Юн Сеён была специалистом по травматологии из Великобритании, которую профессор Ким привёз в больницу Корейского университета. Сейчас она также исполняла обязанности заместителя директора травматологического центра при профессоре Киме.

Наблюдая, как Юн Сеён собирается на работу, завязывая волосы, профессор Ким посмотрел на меня и Чхве Чжунхана и сказал:

— Вы двое можете идти домой.

— Что?

— Внезапно?

Мы с Чхве Чжунханом переглянулись, услышав слова профессора. Юн Сеён, скрестив руки, кивнула.

— Как думаете, зачем я пришла раньше?

— Но ваш дом ведь всё равно рядом?

— Ну, это да, но...

Профессор Ким никогда не говорил: «Сегодня пациентов нет». Это было неписаное правило среди врачей. Стоит тебе это произнести — пациенты вдруг появляются, и возникают экстренные случаи — это испытывал каждый врач хоть раз в жизни.

— Если что-то случится, мы вам позвоним, так что не волнуйтесь.

— Э-э... ладно.

Подумав, я понял, что уже больше месяца у меня не было нормального «выходного». Я не говорил этого вслух, но в груди зашевелилось предвкушение — сегодня было подозрительно

тихо. Если не сегодня, то когда ещё удастся покинуть больницу?

Профессор Ким и Юн Сеён в конце концов выпроводили нас с Чхве Чжунханом из травматологии, строго-настрого запретив прикасаться к больничным делам до утреннего звонка.

Мы с Чхве Чжунханом направились в раздевалку. Его шкафчик был наискосок от моего. Мы повернулись друг к другу спиной и переоделись. Сзади раздался голос Чхве Чжунхана.

— Кстати, у тебя ведь есть лаборатория, хён?

Моя должность — врач травматологического центра и глава Центра неотложки. Учитывая сложную структуру больницы и множество отделений, вполне обычно, когда врач занимает несколько постов.

Надев пальто, которое не носил уже месяц, я повернулся к нему.

— Есть. Во втором корпусе.

— Во втором корпусе?

— Новое здание построили два года назад.

Чхве Чжунхан с момента прихода практически не вылезал из травматологии. Как офицер, которого сразу по прибытии отправили на передовую, он даже не видел самых важных мест.

Если не было специальных мероприятий, его мир ограничивался травматологией, реанимацией и этажом с операционными.

У него редко был повод идти во второй корпус, построенный для внешней деятельности больницы.

— Далеко, так что я редко туда хожу.

Для профессора травматологии лаборатория, до которой идти больше десяти минут пешком, была практически бесполезна. До того как построили новое здание, нормальной лаборатории вообще не было.

— Но всё нормально?

— Что?

— Насчёт твоего дома. Переживаю, что буду в тягость.

— Если тебе неловко — купи мне выпивку.

Я пристально посмотрел на него, засунув руки в карманы пальто. Я начинал понимать, почему анестезиолог Юн Тхэсик вечно говорил о выпивке. Извинения ничего не меняли. Проблема была в том, что этот парень был более чопорным, чем казался.

— Купить?

— Да нет, шучу я. А вдруг из больницы позвонят?

— Если позвонят — ты ведь пойдёшь?

— Если профессор звонит — надо идти.

Проворчал я, мол, зачем спрашиваешь очевидное. Мы направились в лабораторию профессора Кима, чтобы забрать вещи Чхве Чжунхана. Он открыл дверь первым.

— Ты ведь тоже профессор, хён.

— Меня нельзя сравнивать с другими профессорами. Я просто младший профессор.

— Но ты же глава центра неотложки.

— Это не имеет значения.

Чхве Чжунхан выглядел озадаченным. Быть профессором — это не только должность. Я был самым молодым профессором и по возрасту, и по стажу — меня официально назначили чуть больше года назад.

В больнице было так много людей, которых называли профессорами. Рядом с таким количеством достойных профессоров я не чувствовал особого трепета от этого звания. Иногда я задавался вопросом, достоин ли я его. Возможно, я считал, что мне ещё не хватает опыта, чтобы быть профессором.

В углу лаборатории профессора Кима стояла пыльная коробка. Когда мы начали вытаскивать аккуратно сложенные коробки, вошёл знакомый интерн. Судя по тому, как часто я видел его в центре неотложки в последнее время, он, похоже, решил здесь обосноваться. Кажется, Чон Уиль?

— Давайте помогу.

Я не знал, зачем он пришёл в лабораторию профессора Кима, но доктор Чон помог нам, вынося сложенные вещи. К тому времени, как мы всё вытащили, откуда-то появились два стажёра-медика¹ и естественным образом взялись помогать нести вещи Чхве Чжунхана.

Чхве Чжунхан притянул к себе толстую коробку, набитую медицинскими книгами.

— Кстати, что стало с тем пациентом?

— О каком из?

— Взрослый мужчина, которому вставили детскую трубку.

— Это было давно... Анестезиология всё доделала как надо в операционной. К счастью, с состоянием пациента всё было в порядке, кажется, его выписали на прошлой неделе.

К счастью, я вспомнил, о каком пациенте он говорит. Не могу сказать точно — на прошлой неделе или позапрошлой, но это была ситуация, которая могла обернуться врачебной ошибкой, так что я следил за ней.

— Слава богу.

— Да, слава богу.

<http://bllate.org/book/20325/2089904>